

УДК 321.727:94(4)

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-2-101-112

КОРОТКОВ Василий Олегович, аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета (Россия, Московская область, Мытищи), e-mail: v_korotkoff1@mail.ru

KOROTKOV V.O., Postgraduate of department of Medieval and Modern History of Russia of Moscow Region State University (Russian Federation, Moscow oblast), e-mail: v_korotkoff1@mail.ru

ЖАЛОВАНИЕ КОМАНДИРОВ ПОЛКОВ «ИНОЗЕМНОГО СТРОЯ» В РОССИИ В 1650–1680 ГГ.

«FOREIGN ORDER» REGIMENTS COMMANDERS' SALARY IN RUSSIA OF 1650S-1680S.

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть вопросы денежного и поместного содержания командиров полков «иноземного строя» в России в период 1650–1680 гг. На основании значительного количества архивных источников проанализированы размеры денежного и поместного жалования полковников, приведена динамика изменения его размера, исследованы факторы, влияющие на его размер, выявлены особенности и условия выплаты. Отдельное внимание уделено видам, характеру и размерам других выплат и «придач», получавшихся старшим офицерам, как разовых, так и регулярных. Затронута также политика экономии финансов, проводимая государством.

Ключевые слова: XVII век, полки «иноземного строя», жалование, офицерский корпус.

Abstract. The article considers the issue of monetary and manor maintenance of the commanders of the «foreign regiments» in Russia 1650s-1680s. Author analyses the size of monetary and manor salary of colonels, dynamics of changes its size, the factors affecting its size, the features and conditions of payments. Special attention is paid to the types, nature and size of other payments and "appendages" that were due to senior officers, both one-time and regular. The state's financial policy was also analysed. The paper based on a lot of archival sources.

Keywords: XVII century, new order regiments, Salary, Officer's corps.

Введение. Середина XVII века стала временем крупных перемен в русских вооруженных силах. В преддверии русско-польской войны 1654–1667 гг., видя недостаточную боеготовность традиционных войск, русское правительство приступило к созданию частей, обученных на западноевропейский манер.

Одним из ключевых отличий частей «иноземного строя» от старорусской военной организации являлось то, что они полностью содержались за счет казны. Поэтому массовое формирование солдатских, драгунских и рей-

тарских полков потребовало мобилизации крупных денежных средств в первую очередь на выплату жалования офицерам. Особенно это сказалось перед Смоленской войной: в самый разгар Тридцатилетней войны спрос на солдат и офицеров в Европе был весьма высок. Чтобы набрать требуемое количество войск, офицерам было положено огромное жалование. Солдатские полковники получали по 250 рублей в месяц, а рейтарский полковник Шарль Делиберт – по 400 [1, С. 36], что превышало даже некоторые боярские оклады. Это вызвало недовольство русских

служилых людей. Так, стряпчий И.А. Бутурлин сообщал о недовольстве русских людей большими расходами и тем, что «начальных людей много не к делу» [2, С. 184].

Смоленская война разорила казну, и вскоре после Поляновского мира большинство иноземцев было уволено с русской службы, а жалование оставшихся было значительно урезано. В преддверии русско-польской войны жалование иноземцев было вновь снижено. По сообщению Поммеринга, полковники А. Краферт, А. Гамильтон и М. Кормихель «прежде» получали жалование в 50, 30 и 15 рублей соответственно, но к 1647 году первые два были помещены и жили на доходы с поместий [3, С. 409].

В историографии распространены размеры жалования, указанные в сочинении А. Мейерберга и «Сметах воинских сил», опубликованных С.Б. Веселовским [5, С. 158; 6, С. 20–21]. Привлечение архивных материалов позволяет уточнить динамику изменения размеров жалования, а также прояснить некоторые влияющие на него факторы (см. Табл. 1 и 2).

Тем не менее, жалование оставалось достаточно высоким, что привлекало иноземцев, оставшихся без нанимателей после завершения Тридцатилетней войны и Северной войны 1655–1660 гг. «Соображения о твердых (по крайней мере) средствах жизни... укрепили мою решимость ехать в Москву», – записывал Патрик Гордон [4, С. 100].

Первоначально жалование всех офицеров различалось даже внутри одного чина по разным «статьям» [7, Л. 575–580 об.; 8, Л. 46]. Однако в 1654 году, во время массового формирования новых полков, офицеры нескольких солдатских полков подали коллективную челобитную с просьбой «пожаловать их против их братии» из других солдатских полков [9, Л. 789].

Непосредственной реакции правительства на эту челобитную обнаружить не удалось, и в середине 1650 года жалование продолжало различаться по разным статьям, но в 1660 году размеры жалования в основном были приведены к единообразию.

В «Сметах воинских сил» почти все офицеры получали одинаковый «корм». Разное жалование сохранялось для некоторых чинов (капитанов, поручиков и прапорщиков) солдатских и драгунских полков по национальному признаку – иноземцы получали несколько больший «корм».

На личном уровне разнилось между собой лишь жалование полковников и небольшого числа генералов [6, С. 20–21].

В 1650-х гг. полковничьи чины занимали почти исключительно иноземцы, жалование которых составляло в среднем от 30 до 40 рублей. Несколько полковников-новокрещенов, «пользовавшихся расположением императора», получали до 50 рублей [10, Л. 14, 30, 47, 80, 475, 491].

Таблица 1 – Среднее месячное жалование полковников в 1655–1677, руб.¹

Род войск	1655	1657	1660	1661	1662 ²	1663	1671	1677
Рейтарского строя			40 (30/45)	40	40	40	38 (36/45)	43 (39/46)
Драгунского строя				30		30	38	39
Солдатского строя	35	35	40	35	30	35	37	42

¹ Подсчитано на основе: [5], [6], [10], [11], [13], [15], [17], [36]. В скобках указано среднее месячное жалование отдельно для русских и иноземцев (в случаях, когда имеется достаточная для обобщения фактическая база).

² По Мейербергу.

Например, к 1677 году Венедикт Змеев (см. Табл. 2) выслужил генеральский чин и должен был получать более высокое жалованье. Однако с учетом вычетов за крестьянские и бобыльские дворы 29 мая 1677 года ему было выдано 295 рублей на 6 месяцев [16, Л.36об.]. С течением времени жалованье постепенно росло, при этом число полковников, получавших «корм», значительно отличавшийся от среднего значения, снижалось. Так, в 1663 году значительно выделялось жалованье трех полковников из 67 – при среднем «корме» от 30 до 45 рублей на месяц стольник Венедикт Змеев и Юрья Инглес получали по 50 рублей (столько же получал генерал-майор Данило Краферт), а Григорий Ушаков – 25 [6, С. 20–21]. Высокое жалованье Венедикта Змеева объясняется тем, что он был первым русским офицером, произведенным в рейтарские полковники еще в 1654–1655 гг. и командовал полком удвоенной численности.

Зависело ли жалованье от выслуги лет? В «Сметах воинских сил» указано жалованье

67 полковников, как русских, так и иноземцев. Из них более крупное жалованье получали в основном прослужившие в этом чине не менее 7 лет. Исключений всего четыре – Я. Билс, Д. Фандернисин и Я. Страсборх, получавшие повышенный «корм», возглавляли полки не более трех лет, а польский шляхтич Р. Корсак, один из старейших на тот момент полковников, получал обычное жалованье [6, С. 20–21]. Более крупное жалованье Я. Страсборха, возможно, объясняется тем, что лифляндец был специалистом по артиллерии.

Похожую картину рисует еще один документ – список офицеров Иноземского приказа за 1677 год, ценный тем, что, помимо жалованья, в нем указано время и основание производства в чин [11, Л. 123–131]. Практически все полковники рейтарского строя, получавшие 50 рублей, пребывали в этом чине не менее 16 лет, а получавшие 40–45 рублей успели прослужить в чине менее 5 лет.

Таблица 2 – Месячное жалованье некоторых полковников в 1655–1677, руб.¹

Полковник	Род войск	Статус	1655	1657	1660	1663	1671	1677
Вилим Брюс	Солдаты	Иноземец		25	35	40		50
Адам Гохварт	Солдаты	Иноземец	30	30	35	40		
Венедикт Змеев	Рейтары	Русский			45	50	38	50 (?)
Юрья Инглес	Драгуны	Иноземец	30	40	45	50	50	50
Рофайло Корсак	Драгуны	Новокрещен			35	40	40	50
Яков Ронорт	Солдаты	Иноземец	35	35		40		
Денис Фанвисин	Рейтары	Иноземец старого выезда			45	45	50	
Герман Фанстаден	Солдаты	Иноземец	40	40		40	40	50

¹ Составлено на основе: [6], [10], [11], [13], [15], [18], [36].

Аналогично обстояло с полковниками солдатского строя – от 45 до 50 рублей получали выслужившие не менее 12 лет, а от 35 до 40 – прослужившие не более 6–7 лет. Из 38 упомянутых в списке человек лишь три офицера представляли исключение.

Так, Павел Мензиус, произведенный в полковники сразу из майоров всего за несколько месяцев до смотра, но уже обладавший максимальным для полковника жалованием в 50 рублей, вероятно, отличился не только на военном, но и на дипломатическом поприще.

Крестьян Любенау, служивший в России с 1661 года, напротив, получал меньше других «старослужащих» полковников, вероятно, ввиду отсутствия боевых отличий и долгов казне. В 1665 году Любенау выехал за границу, где его ограбили шведы и поляки. По просьбе полковника из казны ему было выплачено «взаимы» 80 рублей [12, Л.51]. Отсутствие упоминания Любенау в документах между 1668 и 1677 гг. и низкое жалование позволяют предположить, что полковник в это время вновь покидал Россию.

Характерен рост размера жалования Вилима Брюса, отца знаменитого сподвижника Петра I. При производстве в чин полковника в 1657–1658 гг. Брюсу было назначено жалование в 25 рублей, в 1660-м увеличенное до 35 рублей. В «Сметных списках» 1663 года его жалование – уже 40 рублей, а в 1670 году поднимается до 50 рублей (см. Табл. 2).

Крещение в православие могло поднять жалование иноземного полковника до 50 рублей, как было в случае с А. Гибсоном и А. Бутлером. Впрочем, таковое не всегда случалось с новокрещеными. К примеру, жалование Т. Гундертмарка, также перешедшего в православие, осталось тем же, что и у остальных полковников [10, Л.80; 13, Л.353]. В дальнейшем такая практика, видимо, сошла на нет – в списках офицеров-иноземцев

за 1677 год указанный размер «корма» никак не коррелирует с их вероисповеданием.

Жалование полковников значительно превосходило жалование их подчиненных – даже подполковников. Так, в 1655 году жалование солдатских полковников составляло от 30 до 50 рублей, тогда как подполковников – 14 [10, Л. 48, 391, 428, 444]. В 1663-м жалование рейтарских и солдатских полковников составляло в среднем от 40 до 45 и от 30 до 40 рублей, подполковники же получали 18 и 15 рублей соответственно [6, С. 20–21]. Не получали прибавки к жалованию даже подполковники, возглавлявшие полки.

Необычной для иноземцев была система выдачи жалования – если в западноевропейских странах полковник получал деньги на весь полк и рассчитывался с подчиненными по собственному усмотрению, то в России всем чинам – от полковника до сержанта – «корм» выдавали дьяки, что пресекало многочисленные злоупотребления [14, С. 76]. «Жалование у них выдается каждому с такой точностью в свое время, что если кто из получающих его не явится за ним в первый день по прошествии года или месяца к военному казначею, то на другой день оно посылается к нему сполна и на дом», – свидетельствует Мейерберг [5, С. 177]. Несмотря на очевидное преувеличение, такая точность могла быть достигнута в гарнизоне Москвы, где Мейерберг и мог общаться с офицерами.

Известны случаи, когда жалование выплачивалось на несколько месяцев. Так, в 1660 году жалование выдавалось на два месяца, а в 1677-м полкам, входившим в воеводский полк Ромодановского и Змеева, – сразу на шесть [15, Л. 91об. – 92об.; 16, Л. 1].

Несмотря на отмечаемую в нарративных источниках точность выдачи жалования, офицеры регулярно сталкивались с ситуацией, когда после повышения в чине им продолжали выплачивать «корм» по старому окладу или просто задерживали жалование.

Сохранилось множество челобитных, где офицеры просили выдавать жалованье «против моей братии» [9, Л. 11, 98, 629, 789].

Иногда к месячному жалованью добавлялись временные «придачки». Так, в ноябре 1660 года некоторым полковникам было выплачено дополнительно по 2–5 рублей «для хлебной дороговизны» [17, Л. 169, 175, 212, 214, 217–218].

Кроме денежного жалованья, офицерам полагались выплаты на конский корм из расчета 20 алтын на лошадь. Рейтарским полковникам обычно полагались выплаты на 5 лошадей, драгунским и солдатским – на 4 [17, Л. 32, 49, 51].

В некоторых случаях полагающееся жалованье могло выдаваться не самому офицеру, а его жене. В феврале 1657 года полковник Юрий Закс просил половину причитающегося ему жалованья (30 рублей) до сентября выдавать его жене Алене, жившей в Немецкой слободе. Полковник надолго задержался в гарнизоне г. Ковно, и осенью Алена била челом о продолжении выдачи ей части жалованья мужа. Челобитная была удовлетворена [18, Л. 175–176].

Иноземные офицеры, неспособные к дальнейшему несению службы и остававшиеся в России, получали, по словам Котошихина, «вполы того жалованья, как им... дано» [19, С. 155–156]. Генерал Ф. А. Фанбуковен в 1670-х гг. получал «тысячу талеров» в год, что составляло около 40 рублей в месяц. Полковник Т. Краферт в 1677 году получал 26 рублей 6 алтын в год [9, Л. 131]. Русские же полковники имели возможность существовать за счёт доходов с поместий.

Кроме того, государство брало на себя содержание офицерских и солдатских вдов и сирот. По словам Котошихина, жалованья им полагалось «вполы» от жалованья мужа, однако на практике суммы были значительно меньше. В 1657–1658 гг. вдовы полковников А. Гибсона, М. Эткина, Л. Скрымзера,

В. Фанвисина, М. Кормихеля и В. Алента получали от 3 до 8 рублей в месяц [18, Л. 451, 453, 483]. Всего в Иноземском приказе на тот момент числилось около 50 офицерских и солдатских вдов, получавших жалованье. В октябре 1660 года выплаты получили вдовы полковников Ю. Закса, А. Гамолтона, Ю. Кита, А. Фанстробеля и нескольких других [17, Л. 452–454].

Традиционным способом содержания служилых людей в России было наделение их поместьями. В XVI – первой половине XVII века так же содержались служилые «немцы» – источники выделяют «поместных» и «кормовых» иноземцев. Некоторые из них обладали весьма крупными поместьями. Так, полковник А. Лесли, в частности, владел поместьем в 600 четей, а Д. Краферт и майор А. Фамендин – в 1050 четей, что уже было сравнимо с боярскими поместьями. Майор Р. Кунингам владел поместьем в 800 четей, а ротмистры Д. Фанвисин и Ефим Франзбеков – 650 и 500 четей [20, С. 149; 21, Л. 5–6].

Однако увеличение числа и влияния иноземцев-«басурман» не могло не вызвать недовольства церкви. С началом правления Алексея Михайловича русские власти, желая оградить православное население от иноземного влияния, начали ограничивать права помещиков-иноземцев. Согласно Соборному уложению 1649 года иноземное поместье не могло принадлежать русским, а русское – иноземцам [22, № 1]. Обмен поместий между русскими и иноземцами также был запрещен. Это служило цели сохранения поместного фонда, предназначенного для иноземцев.

Дальнейшее наступление на права иноземцев были вызваны громкими судебными процессами. В 1652 году крестьяне из поместий полковника А. Лесли обвинили его жену в глумлении над православной верой (насколько справедливо, установить не представляется возможным). В ходе следствия обвинения были предъявлены и самому пол-

ковнику, и его знакомому офицеру В. Тамсену. В итоге поместье Лесли было конфисковано [20, С. 150–152].

Одновременно похожие обвинения были предъявлены новокрещену из мусульман Щейдякову. Оба дела получили широкую огласку, в итоге в 1653 году под влиянием патриарха Никона и царского духовника Варсофония иноземцам, не принявшим Православие, запрещалось владеть поместьями, те, кто обладал ими обязан был продать русским людям. Вместо этого иноземцев поверстали денежным «кормом». Это привело к недовольству иноземцев. Часть из них, желая сохранить поместья, перешла в православие. Лесли в том же году первым из иноземцев принял решение креститься в православие и в дальнейшем получил крупные подарки и новые поместья на отвоеванных западнорусских землях [20, С. 154].

Из недвижимости иноземцы могли владеть дворами в немецких слободах или просто в городах. В 1665 году в переписных книгах Новонемецкой слободы Москвы, насчитывавшей 206 дворов, упоминаются 29 дворов, принадлежавших полковникам, состоявшим на действительной службе, 3 – находившимся в плену, а также 7 дворов, принадлежавших вдовам полковников. Некоторые офицеры, впрочем, предпочитали не заводить своего двора, а квартировать у сослуживцев. К примеру, Христофор Мюнхаузен (Мынгауз) «стоял» у полковника Андрея Франзбекова, также одним двором жили Яган Краферт и его родственник Томас Краферт. У Фредерика Эршова квартировали капитаны его полка [23, С. 232–238].

Что же касается русских офицеров, то, как правило, они обладали довольно крупными поместьями. В частности, Венедикт Змеев и до начала рейтарской службы обладал большим поместьем в 750 четей, а в 1661 году получил прибавку в 250 четей, дойдя до максимального размера поместья

[24, С. 60–61]. Подполковник гусарского полка Микифор Караулов владел поместьем в 600 четей, подполковники солдатских полков Иван Кайсаров и Афанасий Бердяев – в 500 и 650 четей [25, Л. 231, 310–311 об., 321 об. – 322].

В 1660-х гг., когда становится возможным говорить о русских полковниках как о заметном явлении, поместный оклад русских полковников составлял от 670 до 1000 четей, в среднем около 880 четей. В 1670-х гг. поместья полковников, активно участвовавших в войнах, с учетом всех пожалований за службы составляли от 850 до 1000 четей (см. Табл. 3). Примерно такими же поместьями обладали заслуженные стрелецкие головы.

Большое поместье не всегда означало большое состояние. Полковник В. Челюсткин, владевший поместьем в 650 четей, в 1668 году имел всего три крестьянских и большевских двора. Но за большинством полковников было от 30 до 50 дворов [16, Л. 1об., 19 об., 74, 105 об.; 26, Л. 3, 26].

Как правило, причинами «придач» становилась верная служба. От 50 до 200 четей полагалось за «литовскую», «конотопскую», «киевскую», «чигиринскую», «крымскую» и иные службы. Так, полковники, участвовавшие в битве на р. Басе, получили по 200 четей [27, С. 137]; полковник Д. Бердяев за службу 1677 году под Чигирином получил 100 четей и 7 рублей, за чигиринскую кампанию 1678 года – 10 четей и 14,5 рубля за «перехожие», за киевскую службу 1679 года – 7,5 рубля, включая «перехожие» [28, Л. 268 об.]. По итогам различных «служб» Белгородского полка в 1662–1670 гг. последовал царский указ от 1676 года, дававший рейтарским и драгунским полковникам «придачу» по 100 четей и 7 рублей денег [22, №658]. Солдатские полковники в документе не упомянуты: видимо, все они были иноземцами.

«Придачи» шли также за раны и за «полное терпение». За тяжелые раны полагались «придачи» по 100 четей и 5 рублей, за легкие – по 50 четей и 3 рубля. С 1659 года «полоняником... рейтарского и драгунского, и солдатского строю полковником, полуполковником и начальным русским людям [...] за полное терпение и за выход [...] помесные придачи 50 четей, денег 3 рубли». Помимо этого, раненым полагались единовременные выплаты «на лечбу». За тяжёлые раны полагалось 4 рубля, за легкие – 3. Существовали также выплаты за пребывание в плену [29, С.563–564].

Наконец, крупные поместные «придачи» полковники получали в честь каких-либо торжественных событий, каковых в рассматриваемый период отмечается три.

1 сентября 1667 года по случаю «объявления» царевича Алексея Алексеевича царь Алексей Михайлович пожаловал солдатским, рейтарским и драгунским полковникам согласно московским чинам [22, №649]. Будучи в основном в чинах стольников, полковники получили по 100 четей (либо денежный эквивалент) и по 12 рублей. Иноземцы же получили выплату в размере месячного жалованья [4, С.214]. Такое же пожалование состоялось и в 1674 году с «объявлением» царевича Федора, незадолго до его вступления на престол. Кроме того, в 1686 году полковники получили денежные «придачи» «для вечного миру с полским королем» – по 30 рублей [30, Л. 534 об., 540 об., 552 об.].

Царские указы регулярно подчеркивают, что русские начальные люди полков «иноземного строя» жалуются как члены традиционной служилой корпорации.

Помимо регулярного «корма», офицерам полагался ряд разовых выплат.

При поступлении на русскую службу офицеры получали подарки деньгами и ценными вещами. Выплаты шли из Оружейной палаты. Так, в 1652 году майор Яков Лесли полу-

чил «за выезд» весьма крупное пожалование – 8 аршин камки и соболей на общую сумму 65 рублей [20, С. 150]. В 1650 году подполковник Яган Гундертмарк (в крещении – Христофор) за выезд получил «40 соболей в 30 рублей, камка, сукно... денег 40 рублей» [31, Л. 285]. Полковник Клавдиус Деспевилль за выезд получил «кубок золочен... камка карамзину... 40 соболей в 70 рублей... денег 50 рублей». Столь высокое пожалование связано с тем, что полковник «у литовских людей был имян и задержан за приставом» [32, Л.29–30]. Патрик Гордон, принятый в 1661 году в чине майора, получил 25 рублей, соболей на ту же сумму и 12 локтей ткани [4, С. 105].

Помимо пожалований по принятии на службу, довольно крупные суммы выплачивались полковникам-иноземцам «на подъем», «на дворовое строение». Так, в 1647–1653 гг. А. Лесли и В. Фандроцкий (Друшке) получили «на подъем» по 300 рублей, А. Бутлер, А. Гипсон и К. Деспевилль – по 200, остальные полковники – по 100 [9, Л. 203]. В приведенном документе отсутствует указание на то, что эти суммы были выданы «взаймы», хотя из другого документа известно, что в 1550–1551 гг. Исаак и Филипп Альбертус Фанбуковены получили по 100 рублей «взаймы на дворовое строение», после чего было велено у них «вычитать корму по треть в месяц» [9, Л. 240]. Впрочем, Фанбуковены служили в России с 1647 года и, очевидно, к 1650–1651 гг. уже успели получить причитающиеся им подъемные.

Весьма крупные подарки также следовали за переход в православие. Так, в 1653–1654 гг. нововыезжий подполковник Федор Вормзер получил серебряный кубок в 3 гривенки, по 10 аршин камки и атласа, 40 соболей в 90 рублей и поместье в 900 четей. Подполковник Арист (Орест) Фамендин за крещение получил соболей на 200 рублей. Майор Иван Ниротморцев (ви-

димо, также недавно выехавший в Россию иноземец) получил 100 рублей, 40 соболей в 50 рублей и поместье в 650 четей. Все трое также были произведены в полковники [8, Л. 198–200].

Случались и другие разовые выплаты как отдельным офицерам, так и всем служилым людям. Так, в 1661 году по случаю рождения царевича Федора офицеры Первого выборного солдатского полка А. Шепелева получили внеочередное жалование. В 1662 году за участие в подавлении Медного бунта полковник Д. Краферт получил «весьма значительный дар» [4, С.120].

За различные нарушения могли последовать вычеты из «корма». К примеру, в 1661 году у полковников Н. Фанзалена и В. Брюса, устроивших самочинный штурм г. Копоси, жалование на время следствия было урезано вполовину [27, С.450]. Впрочем, уже в 1663 году жалование В. Брюса было на обычном уровне [6, С.21].

Вероятно, офицеры-иноземцы также могли поручиться жалованием перед государством за выезжавшего за границу сослуживца. К примеру, за уже упомянутого Крестьяна Любенау, в апреле 1665 года отправившегося в Пруссию на четыре месяца «для сыску пожитков отца своего», поручились 4 полковника и 2 подполковника с условием в случае невозвращения Любенау «кормовых денег не иметь два года» [12, Л. 1–2].

Иногда через выплаты жалования офицеры решали собственные дела. Так, в 1653 году подполковник Яков Лесли, задолжавший своему родственнику «старшему полковнику» Александру Лесли, обратился в Иноземский приказ с просьбой делать вычеты из его жалования в пользу кредитора. Челобитная была удовлетворена [9, Л.67–73].

Впрочем, с выплатой жалования не все было благополучно. Финансовый кризис 1662 года сильно ударил по положению всех

начальных людей. На безденежье жаловался П. Гордон, ожидавший принятия на службу. Из-за задержки выплат жалования группа офицеров-иноземцев отправилась жаловаться в Москву, угрожая в противном случае уехать из России. В итоге конфликт был все же урегулирован, в том числе за счет привлечения натуральных ресурсов – часть офицеров взяли на содержание бояре, значительные средства иноземцам завещал умерший боярин Морозов [33, С. 69–70].

В феврале 1663 года Гордон мрачно констатировал «малую вероятность перемен» [4, С.128]. Тем не менее, в то же время, правительство занялось расчётом финансовых трат, количества войск и потребного им жалования, что привело к созданию известных смет 1662–1663 гг. В середине 1663 года хождение медных денег было отменено, и все начальные лица получили жалование серебром.

Подобный случай повторился в 1667 году – из-за невыплаты жалования группа офицеров Гадячского гарнизона во главе с полковниками Я. Туром, А. Олофгранцем и А. Гохвартом отправилась добиваться правды. Но в этот раз в связи с завершением войны правительство приняло решение уволить офицеров без выплаты жалования [34, С. 208]. Тем не менее, как минимум части из них, в том числе всем трем полковникам, удалось остаться в России и сохранить чины.

После заключения Андрусовского перемирия правительство приступило к сокращению расходов. В 1668 году жалование полковников, бывших «за полками», было урезано вдвое, поскольку, как заметил указ, «ни в которых государствах полных кормов без службы не дают». Спустя год жалование сократилось до трети от полноценного [33, С. 71].

В качестве компенсации полковники получали жалование хлебом и солью, но на практике вместо хлеба выдавался денежный

эквивалент. Выдача соли также вскоре прекратилась. В итоге годовое жалование полковников, бывших за полками, состояло из полного оклада за 4 месяца и денег за хлеб, близких к месячному окладу. Так, полковник П. Г. Мензеус, которому полагался корм в 50 рублей на месяц, в 1677 году получил «за год жалованья... треть да за хлеб» 246,5 рубля [16, Л. 89 об.].

Еще во время русско-польской войны жалование начальных людей, обладавших поместьями, также было урезано. Полковников эта мера коснулась лишь в 1670-м, из расчета по 35 копеек за крестьянский или бобыльский двор [33, С. 74].

Так, «базовое» жалование полковника А.А. Чубарова в 1677 году составляло 45 рублей, а И.С. Дубасова («Меншой»), бывшего полковником в генеральском полку В. Змеева, – 30. Фактически Чубаров, обладавший 45 дворами, получил 29,25 рубля на месяц, а Дубасов, владевший 50 дворами, – 12,5 рубля [16, Л.1 об., 74].

Позднее, в 1678–1679 гг., уступив массовым челобитным, правительство отменило

вычеты у пустопоместных и малопоместных дворян.

По всей вероятности, высокое и относительно регулярное жалование, а также перспективы обеспеченной старости по окончании службы стали одним из основных факторов, привлекавших в Россию множество иностранных офицеров и обеспечивших их верность.

Так, в 1661 году вернувшийся из плена полковник Я. Ронорт сообщал, что пленные «немцы» «служить полскому королю не хотят» [35, Л.2]. Действительно, многие из офицеров были вскоре обменены и пожалованы за верность. Показателен пример Филиппа Альбертуса Фанбуковена, который пробыл в польском плену 7 лет и сохранил верность России, а по возвращении из плена получил генеральский чин. Это резко контрастирует с тем, как легко офицеры меняли нанимателей в других странах – Патрик Гордон успел перейти со шведской на польскую, а затем и на русскую службу.

Таблица 3 – Поместный оклад некоторых полковников, четей¹

Полковник	1661 (руб.)	1671 (руб.)
Василий Дружинин с. Волжинский	660	950
Венедикт Андреев с. Змеев	1000	1000
Давыд Иванов с. Зыбин	970	970
Федор Тихонов с. Зыков	1000	1000
Иван Левонтьев с. Полуехтов	670	850
Семен Семенов с. Скорняков-Писарев	950	1000
Григорий Федоров с. Тарбеев	1050	1050
Григорий Онофриев с. Ушаков	950	950
Василий Алексеев с. Челюстин	650	650
Аггей Алексеев с. Шепелев	885	1000
В среднем	878	942

¹ Составлено на основе: [24], [28], [37].

Вместе с тем резко возросшие по сравнению с XVI веком военные расходы стали одной из причин закрепощения крестьян, роста налогового гнета и, как следствие, многочисленных восстаний, принявших религиозный характер. Нехватка средств подтолкнула русское правительство к сокращению военных расходов за счет использования традиционных способов содержания служилых людей.

Подводя итоги, стоит отметить, что денежное и поместное содержание командиров полков «иноземного строя» в России в период с 1650 по 1680 гг. изменялось, исходя из различных факторов и условий. Возросшие по сравнению с XVI веком военные расходы стали одной из причин закрепощения крестьян, роста налогового гнета и как следствие – многочисленные восстания, принявшие религиозный характер. Нехватка средств подтолкнула русское правительство к сокращению военных расходов за счёт использования традиционных способов содержания служилых людей.

Библиография:

1. Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. СПб, 1899.
2. «Что в государстве делаетца дурно...»: «Государево дело» стряпчего И.А. Бутурлина. 1634 г. / Публ. подгот. Т.А. Лаптева // Исторический архив. – 1993. – № 4. – С. 178-186.
3. Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеринга // Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. – М., 1897.
4. Гордон П. Дневник 1659–1667 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. – М., 2003.
5. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии // Сост. А. Либерман. – М., 1997. – С. 43-184.
6. Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских, Кн. 3. 1911. С. 4-53.
7. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 52.
8. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862.
9. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 867.
10. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 34.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 85.
12. РГАДА. Ф. 150. 1665. № 3.
13. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 57.
14. Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. – М., 2017.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 58.
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 81.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 59.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 870.
19. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб, 1884.
20. Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV – XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина. – М., 2006. – С. 141-166.
21. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 53.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 1. – СПб, 1830.
23. Переписные книги города Москвы 1665–76. – М., 1886.
24. Рогожин Н.М. Боярская книга 1658. – М., 2004.
25. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6В. Д. 17.
26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6Д. Д. 75.
27. Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук. В 3 т. / Под ред.

- Н.А. Попова. Т. 3. – СПб: Тип. Императорской академии наук, 1901.
28. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 9.
29. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 10. – СПб, 1872.
30. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 10.
31. РГАДА. Ф. 150. 1685. № 3.
32. РГАДА. Ф. 150. 1661. № 1.
33. Рогожин А.А. Денежное жалование начальных людей полков «нового строя» в конце 1660-х – начале 1680-х годов (к вопросу о политике русского правительства в области военной экономики) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года. – СПб, 2013. – Ч. IV. – С. 66–79.
34. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 5. – СПб, 1853.
35. РГАДА. Ф. 150. 1661. № 32.
36. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 65.
37. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 6.
- Yakubov K. Rossiya i Shvetsiya v pervoy polovine XVII veka. – M., 1897. (In Russ.).
4. Gordon P. Dnevnik 1659–1667 [Diary. 1659–1667] / Per. s angl., stat'ya i prim. D.G. Fedosova. – M., 2003. (In Russ.).
5. Meyyerberg A. (1997) Puteshestviye v Moskoviyu barona Avgustina Meyyerberga, chlena Imperatorskogo pridvornogo soveta, i Goratsiya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, kavalera i chlena Pravitel'stvennogo soveta Nizhney Avstrii, poslov avgusteyshogo rimskogo imperatora Leopold'a k tsaryu i velikomu knyazyu Alekseyu Mikhaylovichu v 1661 godu, opisannoye samim baronom Meyyerbergom [The journey to Muscovy of Baron Augustin Meyerberg, a member of the Imperial Court Council, and Horace Wilhelm Calvucci, a cavalier and a member of the Government Council of Lower Austria, ambassadors of the August Roman Emperor Leopold to the tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich in 1661, described by Baron Meyerberg himself] // Utverzhdeniye dinastii // Sost. A. Liberman. – M. – S. 43–184. (In Russ.).
6. Veselovskiy S.B. (1911) Smety voyennykh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 gg. // Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh, Kn. 3. – S.4–53. (In Russ.).
7. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 52. (In Russ.).
8. RGADA. F. 210. Op. 9. D. 862. (In Russ.).
9. RGADA. F. 210. Op.9. D. 867. (In Russ.).
10. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 34. (In Russ.).
11. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 85. (In Russ.).
12. RGADA. F. 150. 1665. № 3. (In Russ.).
13. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 57. (In Russ.).
14. Kurbatov O.A. (2017) Voyennyye reformy v Rossii vtoroy poloviny XVII v. [Military reforms in Russia of the second half of the XVII century]. Konnitsa. – M. (In Russ.).
15. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 58. (In Russ.).
16. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 81. (In Russ.).
17. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 59. (In Russ.).
18. RGADA. F. 210. Op. 9. D. 870. (In Russ.).

References:

1. Myshlayevskiy A.Z. (1899) Ofitser'skiy vopros v XVII v. [Officer's question in XVII century]. – SPb. (In Russ.).
2. «Chto v gosudarstve delayettsa durno...»: «Gosudarevo delo» stryapchego I.A. Buturlina. 1634 g. [«What is bad in state...»: Striapchi I. A. Buturlin's «State act». 1634.] / Publ. podgot. T.A. Lapteva // Istoricheskiy arkhiv. – 1993. – № 4. – S. 178–186. (In Russ.).
3. Doneseniya koroleve Khristine i pis'ma k korolevskomu sekretaryu shvedskogo rezidenta v Moskve Karla Pommmeringa [Reports to Queen Christina and letters to the Royal Secretary from Swedish resident in Moscow, Karl Pommering] //

19. Kotoshikhin G.K. (1884) О России в царствование Алексея Михайловича [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. – SPb, 1884. (In Russ.).
20. Oparina T.A. (2006) Полковник Александр Лесли и православие [Colonel Alexander Leslie and Orthodoxy] // *Inozemtsy v Rossii v XV – XVII vekakh. Sbornik materialov konferentsiy 2002–2004gg. / Pod obshchey red. A.K. Levykina.* – M. – S. 141-166. (In Russ.).
21. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 53. (In Russ.).
22. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye [Full collection of Russian Empire's laws. The First Meeting]. 1649–1825gg. T.1. – SPb, 1830. (In Russ.).
23. Perepisnyye knigi goroda Moskvy 1665–1676 [Census books of the city of Moscow 1665–1676]. – M., 1886. (In Russ.).
24. Rogozhin N.M. (2004) Boyarskaya kniga 1658 [Boyar book 1658]. – M. (In Russ.).
25. RGADA. F. 210. Op. 6V. D. 17. (In Russ.).
26. RGADA. F. 210. Op. 6D. D. 75. (In Russ.).
27. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoy akademiiyey nauk [Acts of the Moscow State, issued by the Imperial Academy of Sciences]. V 3 t. / Pod red. N.A. Popova. T. 3. – SPb: Tip. Imperatorskoy akademii nauk, 1901. (In Russ.).
28. RGADA. F. 210. Op. 1. D. 9. (In Russ.).
29. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiyey [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission]. T. 10. – SPb, 1872. (In Russ.).
30. RGADA. F. 210. Op. 1. D. 10. (In Russ.).
31. RGADA. F. 150. 1685. № 3. (In Russ.).
32. RGADA. F. 150. 1661. № 1. (In Russ.).
33. Rogozhin A.A. Denezhnoye zhalovan'ye nachal'nykh lyudey polkov «novogo stroya» v kontse 1660-kh – nachale 1680-kh godov (k voprosu o poli-tike russkogo pravitel'stva v oblasti voyennoy ekonomii) [Monetary salary of «new order» regiments officers in the late 1660s-early 1680s (on the question of the policy of the Russian government in the field of military economics)] // *Voyna i oruzhiye: Novyye issledovaniya i materialy. Trudy Chetvertoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 15–17 maya 2013 goda.* – SPb, 2013. – CH. IV. – S. 66–79. (In Russ.).
34. Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyye i izdannyye arkheograficheskoy komissiyey [Additions to the historical acts, collected, and issued by the archaeological Commission]. T. 5. – SPb, 1853. (In Russ.).
35. RGADA. F. 150. 1661. № 32. (In Russ.).
36. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 65. (In Russ.).
37. RGADA. F. 210. Op. 1. D. 6. (In Russ.).